

Соблюдает ли Норвегия договорные обязательства 1920 г. о Шпицбергене?

А.Ф. Федоров – ВНИРО (Москва)

С.А. Ковалев – член Союза журналистов России (Мурманск)

*«Печальная картина на русской земле!
Там, где некогда в течение столетий
промышляли наши русские отважные поморы,
теперь спокойно живут
и легко богатеют норвежцы»
Из дневника В.Русанова 22.07.1909 г.*

Прежде чем ответить на стержневой вопрос, поставленный выше, есть смысл рассмотреть современное отношение российских властей к северным регионам страны вообще и Шпицбергену в частности. При этом, целесообразно особо учесть, что в 90-е годы, после кошмарного краха геополитического статуса Советского Союза, произошли крайне неблагоприятные деформации нашей территории, что, безусловно, должно было отразиться на направленности национальных интересов новой России, которая стала еще более северной страной, чем это было до перестройки.

Тем не менее, в январе 1992 г. и.о. главы российского правительства Е. Гайдар официально заявил: «Север нерентабелен!» Это надо было понимать как прямое указание на то, что уникальные заполярные районы нашей стране либо вовсе не нужны, либо очень скоро не будут использоваться.

При этом, безусловно, было забыто, что еще великий русский ученый М. В. Ломоносов, действительно искренне радевший за Россию, был убежден, что российское могущество произрастать будет Сибирью и Северным океаном.

Можно также предположить, что Е. Гайдар был явно не в ладах с географическими особенностями места расположения на Земном шаре земель российских. Именно о них в далеком 1887 г. известный ученый и адмирал императорского флота С. О. Макаров сказал, что «простой взгляд на карту России показывает, что она главным своим фасадом выходит на Ледовитый океан».

К тому же, экономист такого государственного уровня, как и. о. главы правительства, должен был бы знать, что когда-то Фредерик Ратцель записал, что «одной из сторон национального богатства страны является ПРОСТРАНСТВО, т. к. уже само по себе оно представляет **национальный ресурс и вместительность всех других ресурсов**».

Однако думается, что обо всем выше сказанном и многом другом тогдашний и. о. отлично знал и истоки заявления о ненужности и нерентабельности северных регионов России были в другом. Эти заявления классически совпадали с мнением тех, кто весьма опасался геостратегического потенциала, пространственной и сырьевой мощи новой России и уже поверил в возможность прикончить ее в процессе перестройки.

Реальность высказанного выше предположения о весьма своеобразной политике Е. Гайдара, в период исполнения им обязанностей и. о. главы правительства, подтверждается тем очевидным фактом, что как экономист он просто не мог не знать, что именно в Арктике сосредоточено почти 100 % разведанных в России запасов никеля, кобальта, тантала, олова, ниобия и редкоземельных элементов, что потенциальная газоносность континентального шельфа только Баренцева и Карского морей оценивается в 50-60 млрд т, а разведанные запасы газа составляют примерно 80 % всех запасов страны (Михайлов, 2002).

Как это не представляется странным, но позиция Е. Гайдара целиком совпадала с идеями о необходимости раздела советского Ледяного моря, высказанными в 1943 г. патриархом западной геополитики Х. Маккиндером. Эта идея благополучно процветает и в наше время,

т. к. хорошо известно, что в 2000 г. Германия и Япония заявили о необходимости применения к Северному Ледовитому океану общих принципов Конвенции по морскому праву, в том числе и право на разборку природных ресурсов Арктики. К этому можно добавить, что если до начала 90-х годов иностранные суда в Карском море и морях Севморпути появлялись только по согласованию с советским правительством, то теперь суда самого различного назначения, принадлежащие США, Германии и Норвегии, проводят в этих морях различные работы и исследования, целенаправленность которых нам почти неизвестна!

К сожалению, определенные потери в Российской Арктике продолжают и без помощи Е. Гайдара. Так, например, весьма серьезные и вполне правдоподобные предсказания о будущем России в Арктическом регионе были высказаны специалистами на I российской научно-исторической конференции, посвященной 130-летию Архангельско-Мурманского пароходства, которая проходила в Мурманске 27-28 мая 2005 г.

Жесткий смысл этих предсказаний опубликован в еженедельной газете «Русский Вестник» за 3 августа 2005 г. в материалах А. Рогозянского «Россия может потерять Арктику». Автор пишет: «Территориальные претензии других стран, стремительный отток жителей из районов Крайнего Севера и потеря в результате недальновидной политики собственной налаженной инфраструктуры – вот три проблемы, которые уже в ближайшие 7-10 лет могут вывести Россию из числа арктических стран».

Однако вернемся к рассмотрению конкретных вопросов о много-страдальном Шпицбергене.

Здесь возникает та же картина удивительной не информированности г-на Е. Гайдара об истории Шпицбергена, согласно которой наши прапрадеды еще в 1909 г. создали при российском правительстве «Особое Совецание», специально предназначенное для защиты российских интересов на Шпицбергене. В одном из решений Совецания было указано: «Архипелаг нужен России, как для экономической деятельности, так и в геополитических интересах».

Подлинное геополитическое значение Шпицбергена для России отображено в специальной записи члена этого Совецания, капитана 2 ранга Ф. Матисена*, которая сохранилась в одном из журналов «Особого Совецания»: «...Если Шпицберген попадет под влияние иностранной державы, то этим самым для России будет закрыт единственный свободный оставшийся выход в Атлантический океан. Таким образом, Шпицберген является для России объектом первостепенной важности».

Истинное значение Шпицбергена для российской экономики показала экспедиция В. Русанова, проведенная в 1912 г. Тогда русские исследователи изучили до тысячи километров побережья и обнаружили каменноугольные месторождения.

Благодаря этим открытиям, фактически весь период до начала второй мировой войны, северные районы Советского Союза и советский морской флот в Заполярье были полностью обеспечены высококачественным углем, добытым горняками государственного треста «Арктиуголь».

К счастью, по настоящему государственное мышление о Севере было высказано нынешним Президентом России В. Путиным в 2002 г. При этом мнение о Шпицбергене было уточнено особо.

Во время посещения Норвегии, Президент России совершенно четко и ясно заявил, что наша страна допускает жесткие природно-охранные требования к арктической среде. Однако, что касается общей деятельности на архипелаге, то здесь мы настроены на конструктивный диалог между нашими странами, при условии, что законотворческие действия Норвегии в отношении Шпицбергена будут в полной мере соответствовать положениям Договора 1920 г. (излагается по материалам журнала «Российская Федерация сегодня», № 5, 2003 г).

Как известно, нарушения Норвегией договора о Шпицбергене начались достаточно давно. В 1976 г. Норвегия установила вокруг архипелага 200-мильную экономическую зону, что явилось явным нарушением 1 ч. ст. 2 Договора, в которой четко прописано право всех государств, подписавших документ, осуществлять рыбный промысел в районе архипелага и в его территориальных водах. До настоящего времени остается загадкой, почему все участники Договора молчаливо восприняли этот факт и только правительство Советского Союза выступило с соответствующей нотой протеста.

Кроме того, мы почему-то все еще недостаточно серьезно принимаем то, что введение Норвегией 200-мильной зоны в районе Шпицбергена вступило в явное противоречие с ранее объявленным СССР «секторальным принципом» определения советских морских границ в Арктике, который фактически действует уже более 50 лет.

Неурегулирование этого противоречия может иметь для России весьма серьезные экономические последствия, так как в состав якобы спорных территорий попадает почти 40 тыс. кв. км шельфа, возможный энергетический ресурс которого оценивается в полмиллиарда т нефти и около трех триллионов куб. м газа.

К сожалению, современная обстановка на Шпицбергене и в прилегающих к нему районах все более усложняется. Прежде всего, это связано с тем, что в процессе послеперестроечной неразберихи, Россия постоянно сокращала свое присутствие на архипелаге, норвежское же правительство наоборот – прилагало огромные усилия для упрочнения и расширения там своих позиций и полномочий, причем как на территории самого Шпицбергена, так и в морях, прилегающих к его берегам. При этом, мы как бы забыли о том, что в рамках Договора правом присутствия на архипелаге мы обладаем только при осу-

ществлении там хозяйственной деятельности, которая была почти остановлена в послеперестроечный период.

Норвегия также весьма умело использовала те природоохранные положения, которые были заложены достаточно безответственно в ст. 6 Договора о Шпицбергене еще в 1920 г. Поэтому сегодня норвежские власти практически повсеместно, как на самом архипелаге, так и в омывающих его водах, активно используют реальную возможность ограничивать российское присутствие.

Кроме того, Норвегия, как член НАТО, безусловно, учитывает геополитические особенности географического расположения полярного архипелага в северо-западном секторе Арктики. Правда, Норвегия, безусловно, понимает, что не может осуществлять прямую милитаризацию Шпицбергена в интересах НАТО, так как это стало бы грубейшим нарушением ст. 9 Договора.

Манипулирование Норвегией ст. 2, 6 и 9 Договора наиболее точно сформулировал А. Смирнов в своей статье «Особенности международного сотрудничества на Шпицбергене в условиях глобализма»(2002), сделав вывод о том, что «по мнению экспертов, за превращением Шпицбергена в зону частично закрытую даже для самих норвежцев, за разговорами о сохранении экологии и биоресурсов вокруг архипелага, стоят далеко идущие планы использовать острова архипелага для осуществления военного контроля в Арктике со стороны НАТО».

Здесь вполне уместно напомнить историю, т. к. еще в период второй мировой войны Норвегия не смогла обеспечить на Шпицбергене выполнение ст. 9 Договора. Поэтому в 1944 г. правительство СССР поставило перед правительством Норвегии вопрос о необходимости пересмотра Договора. Тогда же было сделано предложение о совместном управлении Шпицбергеном (создание кондоминиума), а также – об организации на архипелаге советской военной базы, которая прикрывала бы морские подходы к советским территориальным водам в западном секторе Арктики.

Норвежское правительство согласилось на пересмотр Договора, что было зафиксировано в совместном заявлении в апреле 1945 г., но впоследствии отказалось от рассмотрения этого предложения. Со стороны СССР этот вопрос больше никогда не поднимался.

Однако одним из основных аргументов в обосновании необходимости своего вступления в НАТО, Норвегия выдвинула вышеупомянутый, к этому времени серьезно устаревший аргумент, абсолютно забыв, что переговоры проводились по сугубо дипломатическим каналам. Более того, сразу же после вступления в Организацию Североатлантического договора, Норвегия была готова передать в распоряжение командования НАТО некоторые о-ва Шпицбергена и о-в Медвежий для строительства там военных баз.

Этот факт документально подтверждается в записке заместителя министра иностранных дел СССР Г.М. Пушкина министру иностранных дел В. М. Молотову о позиции СССР в отношении Шпицбергена. В ней указывалось, что «после вступления Норвегии в Атлантический блок в марте 1951 г. Норвежский стортинг по предложению правительства принял решение, согласно которому оборона Шпицбергена, о-ва Медвежий и Ян-Майена будет осуществляться командованием Североатлантического морского района»(см. АВР РФ. Ф. 0116. Оп. 42. П. 170. Д. 4. Л. 28-32).

Тогда Советский Союз был вынужден, и главное, успел выступить с резким протестом.

Нота советского правительства была опубликована 16 октября 1951 г. в газете «Известия». В ней указывалось, что действия Норвегии находятся в явном противоречии с запрещением использовать архипелаг Шпицберген в военных целях, содержалось напоминание об особых интересах СССР в районе Шпицбергена и о значении этого района для безопасности СССР на Севере. В ответной ноте от 30 октября 1951 г. норвежское правительство заверило правительство СССР о своем намерении соблюдать условия Парижского договора 1920 г. В частности, в этой ноте говорилось, что «норвежское правительство не создавало и не будет создавать каких-либо военных укреплений или баз на Шпицбергенском архипелаге или на о-ве Медвежем. Оно также не разрешит делать это какому-либо другому государству в силу своего суверенитета над этими районами».

*В качестве командира военного транспорта «Бакан» принимал участие в Шпицбергенской экспедиции 1899-1901 гг. по градусному измерению.

В ответной ноте МИД СССР от 12 ноября 1951 г. указывалось, что сам факт передачи архипелага в ведение командующего Северо-Атлантического морского района противоречит Парижскому договору и является незаконным и недружественным актом в отношении СССР (Сухарев, 1998). Четыре года спустя премьер-министр Норвегии Э. Герхардсен подтвердил эти заверения, особо указав на то, что «норвежское правительство не будет содействовать политике, имеющей агрессивные цели и не представит баз на норвежской территории иностранным вооруженным силам, пока Норвегия не подвергнется нападению или угрозе нападения». Советско-Норвежское коммюнике по этому вопросу было опубликовано 16 ноября 1955 г. в газете «Известия».

Можно особо отметить, что такое развитие событий в СССР предвидели. Действительно, еще в 1949 г. в памятной записке, составленной для министра иностранных дел СССР послом СССР в Норвегии С. А. Афанасьевым, указывалось, что «Шпицберген будет втянут в Атлантическую оборонную систему, а это будет означать нарушение ст. 9 Договора 1920 г., которая предусматривает полный запрет использования архипелага для военных целей» (см АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 36. П. 142. Д 27. л. 7-9: Афанасьев – Вышинскому, 14 мая 1949 г.)

Особенно интенсивно Норвегия начала наращивание военной составляющей на архипелаге в период послеперестроечного ослабления России, когда действия норвежцев в данном регионе по отношению к нам стали приобретать некоторую агрессивную окраску. Это нашло свое отображение в выступлениях официальных лиц Норвегии. Так, например, по данным газеты «Афтенпостен», выступая в Берлине в июне 2002 г., государственный секретарь министра иностранных дел Норвегии Ким Траавик, заявил, что отношение Москвы к Норвегии «является более враждебным, чем например к Дании или Германии». Более того, в обзоре «Норвегия и Россия», который был издан в 2003 г. норвежским МИД, указывалось, что, «несмотря на то, что российско-норвежское сотрудничество приобрело обширный характер, не все противоречия были устранены. Кроме того, российская сторона выступала с критикой различных форм военной активности Норвегии на Севере».

Особенность политики Норвегии выражается в том, что если в рыбопромысловых водах Шпицбергена выдавливание России проводится под прикрытием экологических лозунгов, то на архипелаге милитаризация осуществляется под прикрытием создания международных научно-исследовательских центров. Так, еще 1997 г. парламентом Норвегии была принята программа 30-летнего освоения Шпицбергена, для чего был создан специальный Центр по охране окружающей среды архипелага, вобравший в себя шесть государственных и общественных организаций, что позволяло все

мероприятия осуществлять на правительственном уровне. Уже в конце 90-х годов общая сумма средств, израсходованных для создания на Шпицбергене научной базы, превысила 500 млн норвежских крон. Естественно, что это были не только норвежские национальные инвестиции, т. к. уже через год на архипелаге было зарегистрировано порядка 130 научно-исследовательских проектов, в разработке которых принимали участие 14 иностранных государств.

Подобный подход к вопросам финансирования этой международной научной деятельности позволил Норвегии создать на территории Шпицбергена уникальные объекты явно двойного предназначения, на что даже у богатой Норвегии собственных средств вряд ли бы хватило. Именно к таким объектам, в полной мере, могут быть отнесены следующие комплексы, находящиеся на территории архипелага:

- ракетный полигон со взлетно-посадочной полосой, центром космической связи, радиолокационной станцией (РЛС), хранилищами и цехами для сборки ракет, а также платформой для запуска ракет различных типов;

- телеметрическая станция по наблюдению за космическими объектами. Через собственную связь эта станция подключена к аналогичным объектам и специальной системе НАТО;

- РЛС «Ейсат», размещенная в административном центре Шпицбергена Лонгьире и официально предназначенная для исследования атмосферных явлений аномального характера. Однако возможности этой станции гораздо шире, т. к. она способна измерять траектории полетов межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и баллистических ракет, запускаемых в Арктике с ракетных подводных крейсеров стратегического назначения Северного флота;

- центр спутниковой связи (ЦСС) «Свальсат» (также в Лонгьире), который способен осуществлять обнаружение и круглосуточный мониторинг всех спутников, находящихся на полярных орбитах. Это единственный в мире объект такого типа, который, как считают военные специалисты, способен влиять на природные процессы в атмосфере и по существу может быть использован как метеорологическое оружие.

Двойственность предназначения всего вышеперечисленного очевидна, поэтому вопрос о соблюдении Норвегией ст. 9 Договора 1920 г. напрашивается сам собой.

К вышеизложенному можно еще добавить, что в водах, омывающих Шпицберген, появились и активно действует системы контроля, в рамках которых американские АПЛ давно проводят «научные» исследования, обеспечиваемые патрульными самолетами ВМС США «Орион», базирующимися на аэродроме Лонгьир.

С определенной степенью достоверности можно предположить, что сегодня ВМС стран НАТО держат под постоянным контролем подводные крейсера стратегического назначения, атомные подводные лодки и надводные корабли российского Северного флота, т. к., одна из зон противолодочного обнаружения НАТО начинается у мыса Нордкап, проходит у берегов о-ва Медвежий и заканчивается в районе архипелага Шпицберген. Эта зона напрямую связана со станцией Ставе, расположенной недалеко от норвежской (читай – НАТОвской) авиабазы Аннейя.

На основании изложенного, можно утверждать, что заявление бывшего начальника штаба Северного флота вице-адмирала М.Мочака, о том, что: «...Норвегия и ее союзники по НАТО стремятся ... максимально ограничить российское присутствие в Баренцевом море и в целом в Арктике», остается абсолютно верным.

Наличие военной составляющей на архипелаге, наконец-то, также признается нашими стратегами. Так, например, в публикации В. Пудикова (2002) «Север и национальная безопасность России» приведен перечень основных задач в области обеспечения военной безопасности, защиты и охраны государственных границ Российской Федерации, ее экономической зоны и континентального шельфа в Северном регионе. Именно там указано на необходимость «...сокращения военной инфраструктуры и военной деятельности на севере Норвегии, архипелаге Шпицберген и акваториях арктических морей».

Север Норвегии, в публикации В. Пудикова, приведен вполне обоснованно, т. к. проявление антироссийской милитаризованной политики нашего северного соседа постоянно находит свое отображение в различных военных маневрах сухопутными и морскими силами Североатлантического договора, проводимых с согласия норвежского правительства.

Наиболее показательными примерами этому могут служить крупномасштабные военные маневры: «Стронг ризольв-1998», «Баренцпис-1999» и «Стронг ризольв-2002», которые проходили в непосредственной близости от российских границ.

Представляется весьма интересным оперативный фон, выбранный для проведения этих учений, согласно которому два пограничных государства Блюэнд («Синяя страна») и Лаймлэнд («Лимонная или желтая страна») вступают в военный конфликт. «Желтые» предъявляют претензии к соперникам по ресурсам, находящимся на спорном континентальном шельфе, где расположены нефтяные месторождения и районы рыболовного промысла. При этом «синие» – это «уважаемое государство с современной демократией и развитыми межгосударственными связями, включая и членство в НАТО», а «желтый» агрессор – это «нестабильное государство с развивающейся экономикой».

Уже сам «окрас» сторон, задействованных в этих учениях, выглядит вызывающе с исторической точки зрения, т. к. хорошо известно, что еще со времени борьбы Норвегии за свою независимость от Швеции, синий крест для норвежцев олицетворял национальное освобождение, а желтый (как крест, так и иные символы) всегда был цветом их врагов.

Следовательно, уже в самой версии маневров, проводимых у российских границ, была заложена достаточно пикантная ситуация, вряд ли допустимая хотя бы из соображений добрососедских отношений с Россией!

Однако вернемся к маневрам. Согласно сценарию, защищая своего «синего» союзника, НАТО проводит быструю военную операцию, в полном соответствии со ст. 5 Североатлантического договора «О коллективной обороне» и резолюцией, принятой Советом Безопасности ООН, естественно, осудившей намерения «желтого агрессора», потенциально угрожающего всему миру.

Уже после окончания этих маневров норвежский министр обороны К. Кр. Девольд писала в газете «Афтенпостен», что «проведение военных учений в Норвегии, особенно в северной части страны, следует сделать более привлекательным для государств – членов блока НАТО», т. к. в этих районах, «имеются все предпосылки, позволяющие проверить реальные боевые качества военнослужащих в сложных климатических и географических условиях».

Справедливости ради надо отметить, что, пока, слава Богу, здравомыслящие норвежцы считают подобные высказывания отдельных норвежских политиков и чиновников, по меньшей мере, странными.

Так, например, вице-адмирал Э.Скорген, который в 1998-2000 годы занимал должность командующего вооруженными силами северной Норвегии, в своем интервью норвежской радиовещательной корпорации заявил об «опасности потери национального контроля над вооруженными силами», т. к. высшее военно-политическое руководство страны «перепоручает чересчур многие полномочия органам управления Североатлантического альянса».

Суммируя все вышеизложенное, можно утверждать, что с экономической, и особенно с оборонной точки зрения, потеря Шпицбергена будет иметь для России катастрофические последствия. Наиболее объективно об этом указано в публикации Н. Януша «Национальные интересы России на архипелаге Шпицберген» (2002): «Добровольный и поистине безумный, с точки зрения геополитики, уход со Шпицбергена открывает для НАТО небывалые возможности по части приближения к российским рубежам. Сейчас, по условиям Парижского Договора, россияне имеют право совершать облеты архипелага на вертолетах, и любое присутствие НАТО не останется незамеченным. Уйдя, Россия лишается контроля и тогда не исключается, что современный аэродром и глубоководный причал, сооруженные на архипелаге норвежцами, начнет обживать военный контингент НАТО..., и наиважнейший Северный флот окажется как бы заблокированным, частично отрезанным от Мирового океана, поскольку свободным останется лишь выход подо льдами через Северный полюс» (с. 54).

В качестве заключения, целесообразно также указать на то, что российская Арктика давно интересует США не только с военной точки зрения. Так, например, принятый еще в 1986 г. «Закон о защите национальных интересов США в Арктике» предполагал поддержание необходимого уровня экономической и научной деятельности в арктическом регионе. Более того, в «Стратегии национальной безопасности», принятой в США в 1994 г., имеется прямое указание на целесообразность обеспечения доступа американского бизнеса в первую очередь к ресурсным запасам России на ее Севере и в Арктике.

Вот почему сегодня вопросы надежно-гарантированного российского присутствия на Шпицбергене представляются существенно более актуальными, чем это было в 1912 г., когда В. Русанову удалось сохранить архипелаг для России.